

Научная статья
 УДК 726.711(470.63)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОЙ (КАВКАЗСКОЙ) ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Павел Григорьевич Немашкалов^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

- ¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)
 Доктор исторических наук, доцент
 paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>
- ² Пятигорский институт (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (д. 56, пр. 40 лет Октября, Пятигорск, 357502, Российская Федерация)
 Доктор исторических наук, профессор
 pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>
- * Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Православное женское подвижничество на Северном Кавказе особая страница истории региона, о которой мало что известно. Причина заключается в том, что если ставропигиальные женские обители России были включены в общероссийские процессы, и о них сохранились сведения, то на окраинах страны они вели уединенную христианскую жизнь и редко становились центрами общественного внимания. Аппелируя к обрывочным сведениям архивных документов, авторам удалось проследить общие тенденции их развития в регионе, выделить специфические особенности положения отдельных из них. **Материалы и методы.** На примере положения женских монастырей Северного Кавказа авторами проводится анализ их деятельности, определяется специфика положения и статуса в зависимости от региона их расположения. Особое внимание уделено роли учредителей обители и личностям их настоятелей, что определяет судьбу самого монастыря и влияло на характер монастырской повседневности. **Анализ.** Несмотря на видимую замкнутость обителей, их отчужденность от светского мира, происходящие события в нашей стране в начале XX века повлияли и на их монастырский уклад. Проблемы общества, падение нравов, низкая общественная мораль разрушали устоявшийся веками уклад, но многие женские монастыри смогли противостоять этому слиянию, сохранить традиции и, несмотря на революционные события, возродить православие в обществе. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхо-

да, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные, полученные по разным направлениям монастырской жизни, взглянуть на проблему места обителей в российском обществе XX века. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. **Результаты.** В итоге авторы приходят к выводу о том, что оказываемое влияние внешнего мира на внутреннюю жизнь женских монастырей приводило к определенным проявлениям девиации, но сложившийся их самобытный уклад и глубокая вовлеченность в систему социальных отношений не давали становиться опорой революционных настроений.

Ключевые слова: женское православное подвижничество, история Русской Православной Церкви, Ставропольская (Кавказская) епархия, женские общины и монастыри

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Шебзухова Т. А. Положение женских монастырей Ставропольской (Кавказской) епархии в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С.229–237. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.05.2025.

Research article

THE STATE OF WOMEN'S MONASTERIES OF THE STAVROPOL (CAUCASIAN) DIOCESE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Pavel G. Nemashkalov^{1*}, Tatiana A. Shebzukhova²

- ¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Associate Professor
 paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>
- ² Pyatigorsk Institute (branch), North-Caucasus Federal University (56, 40th Anniversary of October Ave., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Professor
 pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>
- * Corresponding author

Abstract. Introduction. Orthodox female asceticism in the North Caucasus is a special page in the history of the region, about which little is known. The reason is that while the stavropegic women's monasteries of Russia were included in all-Russian processes, and information about them has been preserved, on the outskirts of the country they led a solitary Christian life and rarely became the centers of public attention. Appealing to fragmentary information from archival documents, the authors managed to trace the general trends of their development in the region,

highlight the specific features of the situation of some of them. **Materials and methods.** Using the example of the situation of women's monasteries in the North Caucasus, the authors analyze their activities, determine the specifics of their position and status depending on the region of their location. Particular attention is paid to the role of the founders of the monastery and the personalities of their abbesses, which determined the fate of the monastery itself and influenced the nature of monastic everyday life. **Analysis.** Despite the apparent isolation of the monasteries,

their alienation from the secular world, the events taking place in our country at the beginning of the 20th century also influenced their monastic way of life. Problems of society, decline of morals, low public morality destroyed the established way of life for centuries, but many women's monasteries were able to resist this merger, preserve traditions and, despite revolutionary events, revive Orthodoxy in society. The study follows the principles of an interdisciplinary approach, which allowed us to consider the problem in its entirety, combine data obtained in different areas of monastic life, look at the problem of the place of monasteries in Russian society of the 20th century. The method used allowed us to conduct a modern historical study from the standpoint of historical anthropology. **Results.** As a result, the authors come to the conclusion that the influence of the outside world on the inner life of women's monasteries led to certain manifestations of deviation, but their original way of life and deep involvement in the system of social relations did not allow them to become a support for revolutionary sentiments.

Введение. Есть немного регионов в России богатых своим созидательно активным населением, но есть уникальные по характеру этого населения, и даже в числе таких будет особенным Северный Кавказ. Сложившиеся условия совместного проживания, порой достигающие высших рубежей противоречия, способствовали появлению людей способных своим энтузиазмом увлекать за собой других, вселять в них уверенность, совместно достигать поставленных высоких целей и нравственно-го совершенства.

Посетив приходы епархии и познакомившись с работой в первый год своей службы, епископ Иеремия в своем обращении к Духовной консистории отмечал: «Едва ли в какой епархии было и есть столько сборищ набожных как на Кавказе. Между причинами нельзя не отметить главную, что многие мужчины и женщины нерасположенные или неспособные к принятию обязанностей житейских и чувством благочестия призываемые к жизни уединенной и безбрачной, не обретая в области Кавказской ни единого места, где могли удовлетворить своему влечению, нередко вручают себя какому-либо набожному простаку, это мне известно из дел консистории, и под невежественным его руководством образуют особенное селение мужского или женского, или же смешанное общество, вначале благонамеренное и доброе, а в последствии подозрительное и соблазнительное» [4, л.62–72]. В одной из поездок к нему обратилось общество до 40 женщин и девиц, живущих под руководством простого поселянина Памфила Попова. Просили они епископа со слезами ходатайствовать пред Синодом об открытии обители. Впечатленный этим обращением он дал обет ходатайствовать по данному делу, а им повелевал оставить избранного ими учителя и до решения вопроса держаться своих приходских церквей и духовных отцов, которым передал девушек вместе с вызванными родителями.

Одна из жительниц с. Пелагиады в 1843 г., престарелая девица Прасковья Лукинова, просила дозволения устроить ей при местной церкви молитвенный домик. До этого существующий в селе подобный домик при церкви, организованный под руководством указанной крестьянки, был уничтожен. В нем собирались крестьянские девушки для молитвословия, занимались чтением поучений и псалтыря всем, кто посещал их собрания. Благочинному предписывалось наблюдать за данными сборищами и не допускать их образований [5, л. 976–976 об.].

Строгие меры епархиального руководства не могли остановить уже распространенного и нашедшего своих

Keywords: female Orthodox asceticism, history of the Russian Orthodox Church, Stavropol (Caucasian) diocese, women's communities and monasteries

For citation: Nemashkalov PG, Shebzukhova TA. The state of women's monasteries of the Stavropol (Caucasian) diocese at the beginning of the 20th century. *Humanities and law research.* 2025;12(2): 229-237. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 24.11.2024.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.05.2025.

последователей женского духовного подвижничества. Ситуация усугублялась отсутствием в регионе устроенных женских монастырей, острая потребность в которых приводила сочувствующих в разрезении данного вопроса лиц к преследованию со стороны властей. Сам епископ в их действиях видел сильных христианский духовный порыв, и «люди, предпринявшие его, суть христиане известные духовной власти по своему усердию к церкви» [3, л.1–2].

Религиозный подъем населения продиктован был рядом условий, среди них можно выделить тяжелые условия жизни православного славянского населения в окружении народов, исповедующих ислам, и широкое распространение различного толка сектантских учений. При отсутствии длительного времени должного епархиального контроля, это все давало благоприятную почву для религиозного духовного поиска истины.

Материалы и методы. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхода, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные архивных материалов в ретроспективе анализа сопоставления монастырской повседневности в XIX в. по отношению трансформации ей в XX в. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. Помимо этого, в работе нашли применение нарративный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный и антропологический методы исследования. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Анализ поднимаемых проблем рассматривался в контексте фундаментального исследования О.В. Кириченко, анализирующего характер православного женского подвижничества в Российской империи [17].

Анализ. В XVIII в. на Северном Кавказе, в виду объективных условий, возникает только один женский монастырь в 1797 г. при Успенской Моздокской церкви [20, с.211, 288], история которого заканчивается через два года с упразднением самостоятельной Моздокско-Маджарской епархии. Только в период 1840 – 1860-е гг. женского монастырского подвижничества получило новый импульс. Связано это было не только с социальными последствиями войны, но и изменением понимания обществом статуса женщины, началом женского православного подвижничества. В 1849 г. в Черномории была основана войсковая Черноморская в честь Марии Магдалины общежительная женская пустынь. Одним из ос-

новых условий её учреждения было приоритетное право принятия представительницам казачьего сословия. Ведомственность статуса повлечет за собой в его истории периодические всплески борьбы за управления им, противостояние насельниц казачьего происхождения и иногородних. С 1859 г. в кафедральном г. Ставрополе был учрежден Иоано-Мариинский женский монастырь, который начал свою историю как похоронный приют для вдов и сирот духовного звания на Скомороховых хуторах с 1847 г. В стены обители принимали всех в нее входящих без сословных ограничений.

После окончания Кавказской войны и инкорпорация Северного Кавказа в социокультурное пространство империи привели к тому, что 1870–1890-е гг. учреждаются еще четыре женских обители. Уставы мужских монастырей и части женских повторяли правила Афонских насельников и строго соблюдались на протяжении всего их существования. Все устроенные монастыри этого периода, кроме Ново-Покровской обители, по распоряжению Синода, акцентировали свою работу на миссионерской деятельности [14, с. 70–74].

Начало XX в. ознаменовалось образованием небольших монашеских общин-обителей, на открытие которых больше не требовалось особого императорского указа, и достаточно было только разрешения Синода. Для мужских монастырей устанавливался упрощенный порядок открытия, а для женских была предусмотрена более строгая процедура. Несмотря на административные ограничения в епархии было открыто еще четыре женских обители, а Крестовоздвиженский мужской монастырь, из-за сложившихся тяжелых условий в области монастырской экономики и раскольничьего окружения, был преобразован в женский.

Все монастыри региона основывались на принципах общежития и не имели штатного статуса, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований. Развитая экономика монастыря открывала возможности обителям для строительства церковно-храмового комплекса, служила основой благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, как только было организовано церковное служение на новом месте, свои усилия насельники направляли на обустройство хозяйственной части. Благоприятные природно-климатические условия способствовали тому, что земледелие и скотоводство являлись основным источником доходов [24, с. 302, 341].

История женского Иоанно-Мариинского монастыря началась со вспышки холеры в конце 1840-х гг., когда только в 1847 г. осиротели 23 семьи священнослужителей [13, л. 3–6]. Изначально он задумывался как приют для детей и вдов духовного сословия, но отсутствие в Ставрополе подобных учреждений привело к приему в его стены выходцев из всех сословий. Возникновение женской общины на базе приюта связано с именем Марфы Андреевны Фетисьевой, которая, ведомая чувством глубокой веры, лично обратилась к епископу Иеремии с просьбой её основания, в последующем которую можно было преобразовать в женский монастырь. В силу возникших обстоятельств местом для будущего монастыря стал хутор Якова Скоморохова, располагавшийся в пределах города.

Преосвященный Иеремия принял активное материальное участие в его благоустройстве и в названии приюта запечатлел память о усопших родителях, сельского причетника Иоанна Яковлевича Соловьева и Марии Феодотовны. Устраиваемый на благотворительные сум-

мы приют строился медленно, только к концу года были воздвигнуты стены храма, келья для настоятельницы и каменный корпус для престарелых вдов. Дороговизна жизни в Ставрополе также тормозила темпы строительства, а подрядчики получали расчет за работы порой через несколько лет [12, л.1–9]. Земельный надел общины постоянно расширялся как за счет производимых частных пожертвований, так и выделение достаточно большого участка Ставропольской городской думой, по ходатайству епископа Иеремии [21, с.11].

С 1850 г. меняются предназначение и статус приюта, епархиальным руководством он был переведен в Иоанно-Марьинскую женскую общину. На посту настоятельницы М. Фетисьевой в 1952 г. сменила монахиня Серафима. Приехав в Ставрополь из Ладинского монастыря Полтавской губернии, она обнаружила среди послушниц понимание строгой монашеской жизни. Обладая большим строительно-организационным опытом, новая настоятельница общины принялась с большим усердием за преобразование инфраструктуры и приведение в соответствие монастырского устава. По примеру других обителей в общежитии ввела неизменный порядок участия сестер в богослужении и упорядочила распределение послушаний. Отмечая проделанную работу и достигнутую уровень понимания монастырского уклада, преосвященный Иоанникий начал ходатайство в Синоде о переводе общежития во второклассный монастырь. Длительное время Синод не принимал никакого решения, и только личное обращение к обер-прокурору и ходатайство Великой княжны Елены Павловны поспособствовали тому, что 20 мая 1859 г. указом Синода Иоанно-Мариинская община была переведена во второклассный женский монастырь [7, л.59].

При обители была основана иконописная мастерская, образцы работ которой считались лучшими в регионе. На Северном Кавказе редкий приход не имел икон работы сестер монастыря [26, с.30]. Насельницы монастыря принимали участие в организации социальной помощи не только на уровне региона, но и стали одними из первых членов отряда сестер милосердия Красного креста, приняв на себя труды ухода за больными и ранеными. Военный министр лично выразил свою благодарность за изготовление в 1856 г. для нужд армии 125 солдатских палаток, в ответ на это сестры выразили «готовность служить православным воинам по мере сил и возможностей» [6, л.1].

К 1914 г. в монастыре было 5 храмов: холодный каменный соборный, во имя Рождества св. Иоанна Предтечи с двумя пределами: во имя св. Равноапостольной Марии-Магдалины и св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, для которого требовалась побелка известию изнутри и снаружи, покраска крыш и полов; теплый каменный однопрестольный во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был ветхим и маломестительным, в нем нужно было необходимо произвести капитальный ремонт; трапезный каменный храм во имя св. мученицы Серафимы, который также требовал покраски полов, крыши и побелки стен; не требовала ремонта больничная деревянная церковь обложенный кирпичом, выстроенная во имя Преподобного Антония и Феодосия Киевопечерских; также был прочным каменный кладбищенский храм во имя св. пророка Иеремии. Чудотворных или чтимых икон в обители не имелось.

Отдельно от храмов располагалась каменная колокольня, настоятельский деревянный одноэтажный корпус и 30 каменных зданий и построек для помещения

сестер на 228 келий, священнослужителей и разных назначений, кладовые для провизии и хлеба, экономические и скотный двory. Монастырь был обнесен каменной оградой. На его территории имелись приспособление для выделки восковых свечей, которые выделывались для нужд обители, фотографическая, иконописная, белошвейная, золотошвейная и коверная мастерские.

Богослужения в монастыре управлялись по уставу православной церкви, литургия начиналась в 6 часов утра. Ризница и библиотека содержали установленный круг предметов в достаточном количестве и содержались в порядке. За смертью настоятельницы игуменьи Архела временно управляла делами обители казначея, монахиня Лидия. В обители находилось: 5 схимонахинь, 106 мантейных монахинь, 235 рясофорных послушниц, 150 временных послушниц, 123 были на испытании. Таким образом общее число насельниц достигало 619 душ, это кроме 15 человек служащих по найму. По общежительному уставу сестры монастыря имели общую пищу в трапезе, некоторым выдавался чай и сахар, одежда и обувь. Источником средств для обители были добровольные пожертвования, хлебопашество и огородничество, особой статьей была продажа сена. Всего в собственности обители находилось 233 дес. земли, из которой было 20 дес. леса, вся земля обрабатывалась средствами самого монастыря [10, л.9–11об.].

Среди женских монастырей Кавказской епархии имелся уникальный Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь. На территории монастыря находился один из пяти древних христианских храмов, которые сохранились до XIX в. и своей архитектурой составляли единое целое с храмами Тебердинского ущелья. Возведенный по византийским архитектурным традициям за тысячу лет потерял всю красоту отделки и сохранил только каркас стен. Фрагменты настенной живописи храма являлись самым обширным сохранившимся фресковым комплексом на территории Алании. Еще в XIX веке исследователи обнаружили на одной из стен такую надпись: «Освящен, обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, Василия и Константина и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эксусиократориссы 2 апреля, в день святой Пасхи, рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукой апокрисиария Патрикия». Это означало, что храм был освящен в 965 г. в период правления некоего царя Давида [27].

Ослабление влияния Византии и произошедшие в истории Северного Кавказа в последующем потрясения не обошли стороной и тебердинские храмы. В конце XIX в. несколько послушниц из сестер милосердия, ведомые Е. Макаровой и Е. Финенской, приняли на себя труд возобновления святыни. В 1892 году эта группа женщин создала общину, посвященную Преображению Господню, а уже 22 октября 1897 г. указом Синода был образован Спасо-Преображенский женский монастырь. Игуменьей определили бывшую послушницу Ставропольского Иоанно-Марьинского женского монастыря Евдокию Макарову, которая была посвящена в монахини и стала настоятельницей Спасо-Преображенского монастыря. Располагался в 200 верстах от Ставрополя, и находился от Баталпашинска в 70 верстах.

К 1914 г. в обители имелось 3 храма: холодный каменный на горе Бурум-Сырт, построенный в X в. и возобновленный в 1897 г., с престолом во имя Преображения Господня; теплый смешанной постройки, одно-

престольный во имя св. Мученика Агафодора, построенный в 1903 г., в одной связки с 2-х этажным корпусом смешанной постройки для помещения настоятельницы и сестер; теплая деревянная трапезная во имя Апостола Андрея Первозванного. Ни чудотворных, ни чтимых икон в обители не имелось. Все храмы обители не требовали ремонта. Богослужения в них проводились по уставу православной церкви ежедневно, вечерняя и утренняя с вечера. Ризница и библиотека были небольших размеров и содержались в порядке.

Отдельно от храма были расположены две небольшие каменные колокольни, одна из которых была расположена на горе. Смешанной постройки двухэтажная гостиница. В церковно-приходской школе, построенной во им. Василия Георгиевича Красковского, обучалось до 25 мальчиков и девочек. Также был двухэтажный смешанной постройки корпус и 10 одноэтажных деревянных зданий для жилья священников и сестер, равно и других назначений. Также имелось 4 холодные постройки: амбар, конюшни и проч. Монастырю принадлежат 4 подворья в г. Баталпашинске, ст-це Невинномысской, ст-це Красногорской, и с. Георгие-Осетинском с жилыми постройками и службами при них.

В монастыре имелась больница на 7 кроватей, с медикаментами и услугами помощи сестер, состоящих при больнице. Медицинской помощью пользовались не только сестры обители, но и представители местного населения. Располагал монастырь иконно-книжной и бакалейной лавками, живописной мастерской и небольшим приспособлением для изготовления свечей на нужды обители. Вокруг монастыря ограды не было.

Земли в распоряжении обители было всего 427 дес. 300 саж. В Баталпашинском отделе имелось 400 дес. удобной земли для хлебопашества. Хозяйство монастыря велось хорошо. Основным источником средств были добротные пожертвования, а также получали доходы от занятия хлебопашеством, огородничеством и сенокосом. Все труды по означенным отраслям выполняются сестрами самостоятельно, поэтому хлеб и овощи для пропитания сестер не приобретались.

Управляла монастырем игуменья Раиса, в ведении которой на 1914 г. было: 26 мантейных монахинь, 39 указных послушниц, 179 послушниц на испытании, всего 244 души, кроме этого, 5 человек служило по найму. Согласно введенному общежительному уставу сестрам выдавали одежду и обувь. Питались они все вместе в общей трапезной, получали от монастыря чай и сахар. В своем заключении благочинный монастырей Ставропольской и Екатеринодарской епархии, настоятель Екатерино-Лебяжской пустыни игумен Дорофей отмечал, что в обители был установлен истинный дух монашества и спокойствия [10, л.18–20].

Историю образования Крестовоздвиженского женского монастыря г. Кизляра нельзя назвать стандартной для региона. Данный монастырь был одной из первых обителей на Северном Кавказе и долгое время находился в статусе мужского монастыря. В 60-х гг. XIX в. Фон-Вольфрам так описывал строение монастыря: «... судя по сохранившемуся плану, устройство монастыря было похоже больше на азиатское поселение, строения восточной архитектуры которого разбросаны были неправильной фигурой в разных местах» [28, с.25].

Епископ Владикавказский и Моздокский Гедеон 9 февраля 1908 г. обратился в Синод о преобразовании Кизлярского мужского монастыря в женский. Вскоре последовало одобрение принятого решения епископа

и монастырь был реорганизован в женскую обитель. Учреждалась она на условиях общежительного устава, а настоятельницей пригласили одну из сестер керченского Георгиевского монастыря монахиню Нину. Под руководством игуменьи последовало восстановление некогда угасающего монастыря, насельницы которого возродили его авторитет в народе.

История других женских монастырей развивалась в контексте общероссийской традиции эволюции общины в православную женскую обитель. Учрежденный в 1904 г. Покровский женский монастырь находился в удалении от Ставрополя на 300 верст, а от Екатеринодара на 40, ближе всего он располагался к станции Пластуновской в 7 верстах. На 1914 г. в нем имелось два храма. Соборный был построен из кирпича в 1908 г. и имел пять престолов: в верхнем этаже располагался главный во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя пределами во имя св. Архангела Гавриила и св. Апостола Иоанна Богослова; в нижнем этаже был устроен теплый престол с двумя пределами во имя св. Мученика Агафодора и св. Алексия Митрополита Московского. Поскольку храм был новой постройки, то он не требовал ремонта, кроме окраски наружных стен, которая на тот момент и производилась. Другой храм был построен в 1896 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы, он был теплым, деревянным, обложенный кирпичом, ремонта не требовал. Богослужения в монастыре проводились по уставу православной церкви, вечерня и утренья с вечера. Имелась ризница и библиотека небольших размеров, которые содержались в порядке. Ни чудотворных икон, ни чтимых икон в обители не имелось.

Отдельно от храма располагалась на каменных столбах небольшая колокольня. Для настоятельницы было построено деревянное одноэтажное с каменной пристройкой помещение, которое примыкало к деревянной Покровской церкви. Кроме этого, для жилья сестер и насельниц были построены 3 каменные двухэтажные и 3 турлучных одноэтажных здания, которые были под железной крышей. На территории монастыря располагалось 5 небольших деревянных амбаров для хлеба и провизии. Монастырь был обнесен каменной оградой, покрытой железом. В самой ограде были устроены две небольшие гостиницы для богомольцев. Имелся каменный дом для священника, небольшая деревянная лавка, скотный и экономический дворы, 4 небольших дома для помещения рабочих, стражника и кухни для рабочих, ветряная мельница и кирпичный завод. Экономии монастыря дополняли живописная, коверная и белошвейная мастерские. В церковно-приходской школе обучалось до 14 мальчиков и девочек из близлежащих селений.

Монастырю принадлежало 223 дес. 800 кв. сажени земли, расположенной на двух участках. Непосредственно под монастырем и рядом с ним 123 дес. 800 кв. сажени. Другой участок располагался вблизи станицы Батуринской в юрте Новокорсунской, размером в 100 дес., где имелся небольшой кирпичный храм и здание для помещения сестер.

Во главе монастыря была игуменья Рафаила, находящаяся по болезни в отпуске. В числе насельниц значилось: 20 мантийных монахинь, 22 указных послушниц, 93 временных послушниц, всего 135 душ. Монастырь принимал временно на сезонные работы 2 человека. Хозяйство монастыря велось, по мнению благочинного монастырей, очень хорошо. Главный источник средств обители заключается в хлебопашестве, садоводстве

и огородничестве. Все труды по ведению хозяйства исполняются сестрами самостоятельно. По общежительному уставу в обители они получали общую пищу в трапезной, и никто из них не высказывал своего недовольства или претензий [10, л.12–14об.].

Другим таким монастырем, прошедшим путь эволюции от женской общины, был Казанский Агафодоровский женский монастырь. Его история началась с того, что после получения разрешения от Ставропольской духовной консистории 29 мая 1909 г. 12 сестер приехали в с. Винодельное, Благодарненского уезда, Ставропольской губернии. На средства, пожертвованные епископом Агафодором, заключили сделку о приобретении в селе бывшего казенного винного склада. Из этих же средств была учреждена домовая церковь, под которую приспособили два уцелевших помещения главного большого сгоревшего корпуса. После окончания всех работ 7 сентября эта церковь была освящена в честь иконы Казанской Божьей матери, от чего и община стала именоваться Казанской. Сделав ремонт двухэтажного дома сестры, устроили для жилья 26 келий. Община быстро получила большую поддержку в среде местных жителей и на получаемые пожертвования в 1910 г. завершилось строительство большой-приюта для нищих и калек, а также устроили небольшой навес для колокольни. Местное сельское общество своим приговором в 1910 г. пожертвовало проулок для постройки соборного храма, закладка которого состоялась 14 сентября 1913 г. [9, л.1–2].

После этого заведующая общиной монахиня с сестрами обратилась с прошением в Консисторию о переводе общины в женский общежительный монастырь с наименованием Казанско-Агафодоровским, с таким числом сестер, который он самостоятельно сможет содержать. В обращении к Синоду епископ отметил, что приобретения и пожертвования, сделанные им для общины, производились с разрешения императора, а сама община учреждалась в память его родителей, сельского причетника Флегонта Ивановича Преображенского и Евдокии Ивановны [9, л.3–4, 8].

Учреждение общины в с. Винодельном было связано с целью религиозного воздействия на местных жителей, а также на сектантов и раскольников, которых в окрестных селениях насчитывалось до 500 душ. На момент обращения в Синод в общине состояло около 80 человек, в их числе 3 монахини, 6 рясофорных послушниц и 61 проживали по документам на испытании. Хозяйство велось самостоятельно, и община существовала на местные средства. Капитал общины на 1913 г. билетами вечного вклада составлял 20 тыс. рублей, и по сберегательным книжкам 840 рублей [9, л.8–9].

Решением Синода от 19 августа 1914 г. Винодельная община была преобразована в Казанский Агафодоровский женский монастырь. Данное событие было омрачено одной досадной ошибкой, Синодом не была утверждена в должности настоятельница. В поданном снова рапорте указали, что монахиня Раиса, в возрасте 50 лет, до назначения в общину была благочинной Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. В должности заведующей общины состояла с 20 августа 1911 г., в которой «проявила себя как способная руководить жизнью насельниц общины». Последовавшим указом Синода от 14 октября 1914 года она была утверждена в должности настоятельницы нового женского монастыря епархии [9, л.10–11, 13–14].

Каждая из указанных и описанных выше обителей

имела свою историю основания, и внесла свой вклад в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа. В каждой из них были свои трудности и испытания, наложившие отпечаток на её авторитет в среде паломников и жителей региона. По времени основания, своему ведомственному статусу, в деле укрепления православия и чистоты веры в среде казачьего населения Черноморского (Кубанского) казачьего войска выделялась Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь.

Поскольку этот монастырь стал первой женской обителью на Северном Кавказе, учрежденной в XIX в., то его история не была простой с момента основания. Современному человеку трудно себе представить всю массу энергии, затраченную Г.А. Рашпилом на такое широкое по замыслам и блестящее по исполнению начинание, как основание и устройство Мариинской женской обители в Черноморском войске в самый разгар затяжного Кавказского конфликта первой половины XIX века. Всю сложность предшествовавшей этому делу переписки с военным и казачьим руководством, представителями духовной власти и другими учредителями.

Все началось с обращения 22 июля 1846 г. на имя временно-командующего войсками на Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанта Н.С. Заводовского, в котором он обосновывал свое ходатайство тем, что полагал учреждение женской обители должно было способствовать усердию народа к религии. Обитель могла давать средства беспомощным старицам и вдовам, испытывавшим в жизни невозвратные утраты, обрести утешение в молитвах. При отсутствии в войске женских учебных заведений, как общественных, так и частных, женская обитель должна была служить местом воспитания девушек [15, с.38–40]. Обратиться непосредственно к командующему его подвигли некоторые из черноморских казачек, посвятивших себя иноческой жизни в разных монастырях России. В числе их были монахини Ладинского монастыря Митрофания и Филарета.

Помимо материальных затруднений возникали сложности административного характера со стороны духовного ведомства. Но в своем отзыве епископ Иеремия снял ряд возникающих вопросов по организации обители со стороны действующего законодательства. По решению правительственного штаб обители мог быть перенесён из любой обители, которая где-либо во внутренних епархиях могла быть закрыта. Поскольку это трудно было себе представить на фоне нарастающей силы женского подвижничества, епископ предлагал принять во внимание, что учреждение Черноморской обители отнести на восстановление второклассного Успенского женского монастыря. В условиях отсутствия на тот момент учреждений для воспитания бедных девиц и сирот войскового духовенства, обитель могла стать таковой для них. Участие преосвященного в деле учреждения пустыни может характеризовать отрывок из письма монахини Митрофании: «... принимает истинное архипастырское живейшее участие в новоучреждаемой святой обители, и все для неё делает с каким-то особенным святым восторгом» [1, л.137–137об.].

В своем заключении Николай Степанович выстроил основные принципы организации монастыря: сооружение обители во всех её частях не должно возлагаться только на счёт Войсковых сумм; обеспечение содержания обители необходимо предоставить благотворительным пожертвованиям и церковным доходам, хозяйству самой обители и келейным трудам инокинь; особого

учебно-воспитательного заведения, для предполагаемого в обители воспитания детей, не учреждать и обособить штата не содержать, а передать данное дело на попечение инокинь; организацию при обители богадельни, по отсутствию возможности содержания её монастырем, предлагалось также отложить до того времени, когда обитель сможет сама её обеспечивать [22, с.146–150]. Инициатива генерала Рашпиля была поддержана относительно штата устраиваемой общежительной обители: игуменя, казначея, 9 монахинь и причт, с определением ежегодного жалования от Войска, в сумме 470 руб. сер. на 30 человек, а также список 14 монашествующих черноморских казачек по разным женским монастырям из соседних регионов [18, с.723–730].

На отведенной Войском земле, после последовавшего указа Синода от 11 декабря 1848 г., были возведены временные постройки, в которых разместились первые члены образованного монастыря. Учрежденной женской пустыни была присвоена степень второклассного монастыря и установлен штат в 22 служителя. Особо отмечалось, что во всех вопросах обитель состоит в непосредственном руководстве духовных властей епархии на общих правилах [25]. Войско не брало на себя обязательств по возведению зданий обители и ризницы, на эти нужды обращались исключительно кошелевые средства, собранные пожертвования и свечная прибыль [11, л.5–5об.].

Монастырь не получил ожидаемого возврата покинувших Северный Кавказ женщин, посвятивших себя служению в других монастырях империи. Можно выдвигать различные предположения по этому поводу, начиная от того, что они опасались тягот его обустройства или просто не верили в возможность устройства монастыря в чистом поле. Но согласно данным Войскового правления на 1862 год, в монастыре проживало до 200 девушек и женщин, в том числе 40 девиц, которых учили многим видам женских рукоделий и духовно-нравственному просвещению [19, с.786–790].

Посетив монастырь 1 июля 1914 г., благочинный игумен Дорофей отмечал, что в монастыре расположено 3 храма. Соборный, кирпичный, холодный, был построен в 1883 г. во имя Вознесения Господня, с двумя пределами: один честь св. Архистратига Михаила, другой св. Димитрия Ростовского Чудотворца. При нем была расположена кирпичная колокольня. На момент приезда благочинного шли работы по побелке стен, покраски крыши и полов. При настоятельском помещении была устроена теплая церковь, низ которой был кирпичный, а верх деревянный, построенной в 1893 г. во им. Св. Равноапостольной Марии-Магдалины. Рядом с ней была устроена каменная колокольня, храм и колокольня ремонта не требовала. Построенный в 1849 г. деревянный холодный храм во им. Покрова Пресвятой Богородицы по ветхости был им предназначен к сносу. Чудотворных и чтимых икон в обители не имелось. Богослужения в церкви монастыря проводились по уставу православной церкви, ежедневно, вечерня с вечера, а утреня утром в 4 часа.

В ограде монастыря располагались сделанные к этому времени здания: каменный одноэтажный настоятельский корпус; большой каменный двухэтажный корпус, в нижнем этаже которого были устроены монастырская трапезная и кухня; каменное двухэтажное здание для больниц на 15 кроватей; для помещения сестер обители были устроены 4 каменных и 7 турлучных одноэтажных зданий, крытых железом, рассчитанных на 153

кельи. Ризница и библиотека располагали необходимым и установленным количеством предметов и книг, содержались в порядке. При церковно-приходской школе обучалось до 43 девочек и мальчиков из окружающих поселений. На территории монастыря действовал детский приют на 20 девочек.

Вне ограды обители были построены 4 каменных и 6 турлучных крытых железом дома. В них проживали 2 священника и 1 дьякон, а также и приходящие богомольцы. Устроены скотный и экономические дворы, кирпичный завод и 3 ветряные мельницы. В г. Екатеринодаре имелся большой двухэтажный каменный дом, который сдавался в аренду. Имелись монастырские иконописная, белошвейная, коверная, малярная и кровельная мастерские. Монастырь со всех сторон был обнесен каменной оградой.

У пустыни в собственности находилось 843 дес. земли, из которых 500 дес. обрабатывалось силами самого монастыря, а 343 сдавались в аренду. Хозяйство пустыни велось образцово, поскольку при осмотре в нем было: 4 выездные лошади, 12 лошадей рабочих, 6 гулевых, 5 жеребят, 22 пары рабочих волов, 35 дойных коров, 3 бугая, 47 гулящего скота, 35 телят, 130 овец и коз, 40 свиней, 30 поросят, 8 тыс. пуд. пшеницы, 200 ячменя и 300 овса.

Основу доходов пустыни составляли добровольные пожертвования. Существенным подспорьем являлось хлебопашество и другие отрасли сельского хозяйства, помимо этого неплохой доход получали от продажи излишнего скота. Имелись две торговые лавки, иконо-книжная и бакалейная, свой свечной завод для выделки восковых свеч на потребности монастыря, амбар для сыпки хлеба и провизии. Работы по ведению хозяйства, уход за огородом и садом исполнялись сестрами обители.

Во главе монастыря на 1 июля 1914 г. находилась игуменья Прискилла, в ведении которой были: 1 игуменья на покое, 5 схимонахинь, 105 мантейных монахинь, 57 указных послушниц, 153 рясофорных послушниц, и 210 проживающих на испытании, всего – 531 человек. При монастыре проживало по найму 17 человек. Сестры пустыни питались все вместе в общей трапезной, им выдавался чай и сахар, а живущим на экономии – верхняя одежда и обувь. Все монахини и послушницы, *за исключением некоторых не желающих по гордости подчиняться власти (курсив наш – Н.П.),* находились в полном повиновении к настоятельнице, относились к ней с любовью и почитанием [10, л.22–24об.].

Обращаясь к вопросу взаимоотношений между настоятельницами женских монастырей и их насельницами, то нужно отметить, что они не всегда были равными основанными на строгом подчинении их воле. Управляли настоятельницами монастырями единолично, исходя из чего все труды по управлению обителью находились на одних настоятельницах с небольшой только помощью со стороны казначей и благочинных. Авторитарный стиль управления иногда допускал неправильные действия и распоряжения, исходя из чего и все неудовольствия и обвинения со стороны монашествующих, начальников и общества, падали на одних только настоятельницах.

Наблюдая нарастание конфликтности в монастырях Синод своим определением в 1892 г. пересмотрел установленные правила, как совершенно несогласные с требованиями закона. По новым разработанным нормам заведывание всей хозяйственной частью в мужских

монастырях вверялось настоятелю при участии старшей братии, а в женских – настоятельнице, при участии старших сестер. Впервые данная норма была применена на Северном Кавказе при избрании настоятельницы Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря монахини Аполлинарии после смерти в 1896 г. её предшественницы игуменьи Феофилы. Епископом было сделано распоряжение, чтобы при предстоящем избрании в указанном монастыре настоятельницы были избраны и члены монастырского совета в количестве не менее 6 старших сестер, кроме настоятельницы, казначей и благочинной, для общего предварительного обсуждения и разрешения монастырских дел [8, л.4]. Данное правило в дальнейшем применялось всегда при избрании настоятельниц и настоятелей в монастырях епархии, но при организации в управлении обителями оно не всегда соблюдалось и конфликты на рубеже веков с насельницами порой имели острый и непримиримый характер.

Обращаясь к стилю управления, принятому в монастырях Северного Кавказа необходимо рассмотреть социальный статус их настоятелей до утверждения в должности. На конец 60-х гг. XIX века на территории Кавказской епархии располагалось два мужских и два женских монастыря. Настоятель старейшего Кизлярского Крестовоздвиженского мужского монастыря архимандрит Антоний (Соловьев) происходил из духовного звания (родился в семье дьякона) [2, л.4], а Черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни архимандрит Доримедон (Сичкарев) был уроженцем Черниговской епархии, также из духовного звания (родился в семье дьячка) [23, с.174]. В это же время настоятельницей Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря была игуменья Серафима, происходящая из купеческого сословия [2, л.53], а игуменья Черноморского Марие-Магдалинского женского монастыря Митрофания, происходила из дворянского сословия [2, л.94].

Сравнивая социальный статус и происхождение настоятелей и настоятельниц монастырей Северного Кавказа, то нужно отметить факт того, что в основной массе настоятельницами женских были до начала XX века представительницы из дворянского и купеческого сословия. В мужских обителях, на протяжении всей истории их существования, было принято назначать только выходцев из духовного сословия. Мужские монастыри были во многом схожими с женскими обителями по укладу жизни, но характерная для них традиция иноческого духовного подвижничества, отречение от земной и мирской жизни, ориентировала их уклад на более затворнический образ жизни. Женские обители были больше связаны с миром, к тому же роль дворянского и купеческого сословия была значительна в жизни региона.

Если проследить в динамике смену настоятельниц, то нужно отметить, что к концу века во всех женских монастырях их сменяют представительницы крестьянства и казачества. Немного эта тенденция в регионе изменилась в начале XX в., но эти процессы проходили в общероссийской формации. Так, анализируя данный вопрос на 1906 г. П.Н. Зырянов отмечает преобладание настоятельниц из крестьянства в обителях страны: на 310 женских монастырей в 100 из них они принадлежали к крестьянскому сословию; 200 управляли выходцы из духовного, дворянского, мещанского и купеческого сословия; и на остаток в 10 обителей приходились представительницы казачества, однодворцев

и др. [16, с.163]. Потеря контроля над женскими монастырями, созданными при поддержке казачьего военного капитала, неизбежно вела к конфликтности в среде насельниц, отстаивающих свои права в управлении обителями. Дворянки, потеряв свое статусное привилегированное положение, не покидали стен обителей и не растворились в числе остальных сестер. Они занимали должности казначей, благочинных и ризничих, входили в совет старших сестер при настоятельницах. Их жизненный опыт и знания продолжали служить на пользу тех монастырей, с которыми они связывали свою жизнь. Не оставляя надежды вернуть права на управление обителями нередко создавали трудности и вносили разлад в повседневную монастырскую жизнь.

Результаты. Развитие православного женского подвижничества на Северном Кавказе проходило в соответствии с общероссийской тенденцией, а в некоторых его аспектах, имело опережающий характер. Большинство женских монастырей возникли на базе женских общин, и только небольшая их часть по инициативе властей региона. Изначально принятый в них общежительный

устав усиливал монастырскую самозамкнутость и отречение от мирского влияния. Особое влияние это имело на воспитание смирения, которое было важнее суровой аскезы, освобождало монашествующих от земных попечений, давало больше времени для служения. Буржуазные реформы середины XIX в. привели к масштабной модернизации многих сторон общественной жизни. Северный Кавказ не остался в стороне от данных процессов, и как следствие, рост числа насельниц женских монастырей в стране нашел свое выражение в появлении ряда женских общин и обителей в регионе.

Доминирование представительниц крестьянского сословия к концу века привел к трансформации традиционного уклада управления монастырями. Несмотря на все внутренние противоречия женские обители в начале XX века имели отлаженную монастырскую экономию, позволяющую реализовывать социальное служение обществу и государству, дающую возможность развития храмового строительства в них и обеспечивающую содержание нескольких сотен монашествующих и послушниц в отдельной обители.

Литература

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2869.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 26. Д. 796.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 195.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 13.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 558.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 54. Д. 307.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1032.
10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 907.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 8. Д. 268.
12. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 134.
13. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 83.
14. Герман Р. Э., Лукьянов Г. И., Малявина Г. И., Миронова Е. Н., Немашкалов П. Г. Проблемы организации миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2022. № 3–2. С. 70–76.
15. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Культурно-исторические факторы в становлении модели российского образования в XIX веке // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. №1 (33). С. 38–44.
16. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. М., 2002. 319 с.
17. Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX в.). М.: Алексеевская пустынь, 2010. 637 с.
18. Крыжановский П. Н. Исторический очерк Черноморской женской во имя Марии Магдалины иноческой за 50 лет существования пустыни с 21 сентября 1849 по 21 сентября 1899 гг. // Ставропольские епархиальные ведомости. 16 июня 1902. № 12.
19. Крыжановский П. Н. Исторический очерк Черноморской женской во имя Марии Магдалины иноческой за 50 лет существования пустыни с 21 сентября 1849 по 21 сентября 1899 гг. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1 июля 1902. № 13.
20. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. Ч.1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–1895 по 1 июля 1890 год. СПб.: б.и., 1890. 294 с.
21. Молитвенницы Кавказа: История Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. Православные святыни Кавказа: Кн. 2. Ставрополь: б.и., 2005. 54 с.
22. Немашкалов П. Г. Вклад первой игуменьи Митрофании в становление Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни // Исследовательские поля и контексты новой локальной истории: от локуса до цивилизации (к юбилею профессора Т.А. Булыгиной): Сборник научных работ / под ред. И. В. Крючкова, К. Р. Амбарцумян, М. Е. Колесниковой. Ставрополь: СКФУ, 2022. С. 144–152.
23. Немашкалов П. Г. Развитие Черноморской Екатерино-лебяжьей Николаевской пустыни и Войсковое казачье управление // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (120). С. 171–175.
24. Немашкалов П. Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. 555 с.
25. О учреждении в Черноморском казачьем войске женской обители во имя Святой Марины Магдалины (11 декабря 1848 г.) // ПСЗРИ (1825–1881). Т. 23. № 22812.
26. Польский Л. Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания). Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2018. 142 с.
27. Сентинский храм: аланский памятник над Военно-Сухумской дорогой URL: etokavkaz.ru/istoriya/sentinskii-khram-alanskii-ramyatnik-nad-voenno-sukhumskoj-dorogoi (Дата обращения: 06.06.2024).
28. Фон-Вольфрам Ф. Х. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь // Сборник Статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь, 1868. С. 25.

References

1. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 249. Inv. 1. D. 2869.
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 135. Inv. 26. D. 796.
3. GASK. F. 135. Inv. 7. D. 195.
4. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 51.
5. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 877.
6. GASK. F. 135. Inv. 14. D. 13.
7. GASK. F. 135. Inv. 28. D. 558.
8. GASK. F. 135. Inv. 54. D. 307.
9. GASK. F. 135. Inv. 71. D. 1032.
10. GASK. F. 135. Inv. 72. D. 907.
11. GASK. F. 135. Inv. 8. D. 268.
12. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 134.
13. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 83.
14. German RE, Lukyanov GI, Malyavina GI, Mironova EN, Nemashkalov PG. Problems of organizing missionary activity of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus in the first half of the 19th century. *Voprosy istorii*. 2022;3-2:70-76. (In Russ.).
15. Goncharov VN, Kolosova OYu, Nemashkalov PG. Cultural and historical factors in the formation of the Russian education model in the 19th century. *Nauchnii almanac stran Prichernomorja*. 2023;1(33):38-44. (In Russ.).
16. Zyryanov PN. Russian monasteries and monasticism in the 19th – early 20th centuries. Moscow, 2002. 319 p. (In Russ.).
17. Kirichenko OV. Women's Orthodox Asceticism in Russia (19th – mid-20th century). Moscow: Alekseevskaya Pustyn, 2010. 637 p. (In Russ.).
18. Kryzhanovsky PN. Historical essay on the Black Sea Convent in the name of Mary Magdalene the Monastic for 50 years of the hermitage's existence from September 21, 1849 to September 21, 1899. *Stavropolskie eparhialnye vedomosti*. 1902. June 16. No. 12. (In Russ.).
19. Kryzhanovsky PN. Historical essay on the Black Sea Convent in the name of Mary Magdalene the Monastic for 50 years of the hermitage's existence from September 21, 1849 to September 21, 1899. *Stavropolskie eparhialnye vedomosti*. 1902. July 1. No. 13. (In Russ.).
20. Material for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire with a bibliographic index / compiled and published by VV Zverinsky. Part 1: Transformation of old and establishment of new monasteries from 1764-1895 to July 1, 1890. St. Petersburg, 1890. 294 p. (In Russ.).
21. Prayer Books of the Caucasus: History of the Stavropol John-Mariinsky Convent. Orthodox Shrines of the Caucasus: Book 2. Stavropol, 2005. 54 p. (In Russ.).
22. Nemashkalov PG. The Contribution of the First Abbess Mitrofanina to the Establishment of the Black Sea Mary Magdalene Convent in Research Fields and Contexts of New Local History: From Locus to Civilization (for the Anniversary of Professor TA Bulygina): Collection of Scientific Papers / ed. IV Kryuchkova, KR Ambartsumyan, ME Kolesnikova. Stavropol: NFCU, 2022. P. 144-152. (In Russ.).
23. Nemashkalov PG. Development of the Black Sea Ekaterino-Slebyazhye Nikolaevskaya Hermitage and the Cossack Military Administration. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017;7(120):171-175. (In Russ.).
24. Nemashkalov PG. Formation and functioning of the diocesan governance system of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus (late 18th – 60s of the 19th centuries): thesis. Stavropol, 2020. 555 p. (In Russ.).
25. On the establishment of a convent in the Black Sea Cossack army in the name of St. Marina Magdalene (December 11, 1848) in Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1825-1881). Vol. 23. No. 22812. (In Russ.).
26. Polsky LN. Essays on the history of the Caucasian diocese (for the 130th anniversary of its foundation). Stavropol: Publishing house of the Stavropol Theological Seminary, 2018. 142 p. (In Russ.).
27. Sentinsky temple: an Alanian monument over the Military-Sukhum road. URL: etokavkaz.ru/istoriya/sentinskii-khram-alanskii-pamyatnik-nad-voenno-sukhumskoi-dorogoi (Accessed: 06.06.2024). (In Russ.).
28. Von-Wolfram FH. Kizlyar Holy Cross Monastery in Collection of Statistical Information on the Stavropol Province. Stavropol, 1868. Issue 1. P. 25. (In Russ.).